

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-2.1>

УДК 330.35.01

JEL B52, N13, O11

Великое расхождение и Малое расхождение как результат совпадения факторов экономического развития¹

Илья О. СМИРНОВ *Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация*

Для цитирования: Смирнов, И. О. (2023). Великое расхождение и Малое расхождение как результат совпадения факторов экономического развития. *AlterEconomics*, 20(2), 291–308.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-2.1>

Аннотация. В условиях наступления четвертой промышленной революции вновь остро встает вопрос о причинах долгосрочного экономического развития и фундаментальных изменений в производстве. Одним из ключей к пониманию современной экономики может выступить понимание аналогичных изменений, произошедших в прошлом — Великого расхождения (процесса ускорения экономического развития Европы в сравнении с остальным миром) и Малого расхождения (аналогичного процесса ускорения развития Северной Европы в сравнении с остальными странами региона). Многие из существующих объяснительных моделей оказываются неспособны дать непротиворечивое описание данных изменений, в особенности это касается объяснения причин Малого расхождения. Цель исследования заключается в формировании модели долгосрочного экономического роста, описывающей процессы Великого расхождения и Малого расхождения. Методологической основой исследования являются положения институциональной теории экономического развития, а также методы статистического и компаративного анализа, с помощью которых проведено сравнение основных объяснительных моделей Великого расхождения и Малого расхождения, выявлены их сильные стороны и ограничения. Предложена авторская модель, объясняющая долгосрочные экономические изменения путем апелляции к институциональному закреплению экономического роста, происходящего в случае одновременного совпадения трех факторов формирования современной рыночной экономики в Европе раннего Нового времени — наличия экономической, этической мотивации к интенсивному труду, наличие институтов организации коллективного действия. Институциональный фактор представлен как элемент закрепления краткосрочного экономического роста, а не как фактор формирования трудовой мотивации, что характерно для классической институциональной теории. Проведена апробация предложенной модели на основе исторического материала пяти стран Европы XII–XVII вв. — Италии, Испании, Нидерландов, Англии, Франции. Обозначены перспективы дальнейших исследований институционального влияния как фактора закрепления экономического роста в долгосрочной перспективе, позволяющие формировать прогностические модели экономического развития в долгосрочном периоде.

Ключевые слова: теория экономического роста, факторы экономического роста, Великое расхождение, Малое расхождение

¹ © Смирнов И. О. Текст. 2023.

Exploring the Three Factors of Economic Development and Their Role in the Emergence of the Great Divergence and Little Divergence

Ilya O. SMIRNOV ✉

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

For citation: Smirnov, I. O. (2023). Exploring the Three Factors of Economic Development and Their Role in the Emergence of the Great Divergence and Little Divergence. *AlterEconomics*, 20(2), 291–308. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-2.1>

Abstract. The Fourth Industrial Revolution has generated a fresh impetus to investigate the underlying reasons for sustained economic growth. To better understand the present-day situation, it is helpful to examine historical periods such as the Great Divergence and Little Divergence, which respectively saw Europe and Northern Europe experience significant economic growth compared to the rest of the world or region. However, many existing explanatory models contain inconsistencies, especially when applied to the Little Divergence. This study uses institutional theory, statistical analysis, and comparative analysis of theoretical models to propose an original model for institutional change leading to long-term growth. This model suggests that three factors, namely ethical and economic motivation for intensifying economic activity, along with social institutions that support collective action, led to the development of a market-based economy in early-modern Europe. Institutions are found to be responsible for consolidating short-term economic growth rather than just motivating individuals to work harder. The model is tested against historical data from five European countries between the 12th and 17th centuries — Italy, Spain, the Netherlands, England, and France. The study concludes by suggesting further research possibilities for developing predictive models that explain long-term growth in modern economies.

Keywords: economic growth theory, factors of economic growth, Great divergence, Little divergence

1. Введение

Глобальные изменения экономического уклада, уже обозначенные ведущими экономическими экспертами в рамках концепции четвертой промышленной революции, вновь поднимают вопрос о причинах долгосрочного экономического развития. Одним из ключей к пониманию современных процессов в экономике может выступить понимание аналогичных изменений, произошедших в прошлом. В связи с этим одним из ключевых вопросов в истории экономики становится вопрос о причинах Великого расхождения (*Great Divergence*) — процесса ускорения экономического развития стран Европы по отношению к остальному миру. Великое расхождение характеризуется беспрецедентным скачком экономики, начавшимся в странах Европы и распространившимся по всему миру. Не меньший интерес представляет и Малое расхождение (*Little Divergence*) — схожий процесс в развитии самих европейских стран. Выявление причин этих явлений может послужить ключом к пониманию особенностей долгосрочного развития экономики.

2. Существующие объяснительные модели

Традиционной является объяснительная модель Великого расхождения, апеллирующая к влиянию машинного производства. В данной модели основная роль отводится появлению мануфактурного производства, росту производительности труда, что позволило перейти от экстенсивного экономического развития к интенсивному. Влияние технологического прогресса на развитие экономики действительно невозможно переоценить, однако в последние десятилетия исследователи постулируют необходимость пересмотра традиционного взгляда на экономиче-

ское развитие Европы. Многие исследователи указывают, что экономика Европы в период с середины XIV в. до середины XVIII в. характеризовалась не стагнацией, а постоянными подъемами и спадами. Недостатком экономики до промышленной революции являлась неспособность сохранить результаты подъема — всегда наступало падение (Fouquet & Broadberry, 2015, p. 4–6; Court, 2020, p. 636; Goldstone, 2021, p. 269). Также следует отметить, что в ходе первого этапа Великого расхождения (XVI–XVII вв.) страны Европы еще не успели массово имплементировать плоды технологического прогресса в производство. Из этого можно сделать вывод о том, что причины Великого расхождения следует искать не в количественном изменении, а в качественном — в изменениях экономических институтов, ведущих к сохранению результатов роста в долгосрочном периоде.

Понимание изменения экономических и общественных структур как основной причины экономического подъема также присутствует в традиционной экономической мысли в форме апелляции к появлению и распространению институтов капитализма в период раннего модерна.

Термин «капитализм» впервые получает распространение в европейской печати во второй половине XIX в. в качестве антонима в отношении понятия «социализм» (Наумова, 2015, с. 109). Связь этих понятий неслучайна, именно Карл Маркс первым провел осмысление причин возникновения и внутренней логики развития капитализма. Побочным эффектом этого было широкое употребление термина «капитализм» в качестве антитезы социализма. Переход от идеологического к научному термину происходит в начале XX в. и связан с именами немецких социологов Вернера Зомбарта и Макса Вебера.

В работе «Современный капитализм» В. Зомбарт определял капиталистическое предприятие через стремление к рациональному извлечению выгоды из материального имущества (Зомбарт, 1903, с. 191). Для В. Зомбарта отличительной чертой капитализма становится новое понимание хозяйственной деятельности как средства приобретения (Забаев, Кострова, 2020, с. 54). М. Вебер, говоря о «капиталистическом духе», указывает на повсеместную рационализацию производства и труда (Вебер, 2020, с. 28–29), при этом ключевым фактором формирования капитализма для него является наличие этической мотивации к рациональному обогащению. По Веберу, зомбартовский дух стяжательства встречался в самых разных исторических обществах, к развитию капитализма же привела лишь протестантская трудовая этика, превращавшая рациональное обогащение в самоцель, более того — в нравственный долг (Вебер, 2020, с. 21–23).

Развитие и критика концепций К. Маркса, В. Зомбарта, М. Вебера привели к возникновению множества гипотез, объясняющих возникновение капитализма.

Карл Поланьи связывал развитие рыночных отношений с тремя факторами: коммерциализацией общества, развитием производственных технологий и наличием сильной центральной власти, создающей рынки факторов производства. К. Поланьи одним из первых признал важность вклада государственных структур в развитие капитализма (Нуреев, 2007, с. 258). Именно вмешательство «сверху», по его мнению, создало систему, в которой угроза голода (со стороны рабочего) и шанс получить прибыль (со стороны предпринимателя) создавало мотивацию к труду.

Фернан Бродель проводил анализ широкого круга факторов, повлиявших на развитие Западной цивилизации в целом. К факторам, способствовавшим раз-

витию капитализма, он относит правовую независимость городов Европы, урбанизацию, сформировавшие централизованный национальный рынок (Бродель, 1986, с. 561, 591); «земельную революцию», превратившую землю в товар, и создавшую класс наемных работников, владевших только своим трудом, прото-пролетариат (Бродель, 1988, с. 273–274); распространение и «традиционализацию» капиталистических институтов (Бродель, 1988, с. 399–400).

Дуглас Норт приводил институциональное объяснение генезиса капитализма. С его точки зрения, формирование капиталистической системы — результат развития сразу нескольких общественных институтов в Европе XV–XVIII вв.: юридической системы, обеспечивавшей защищенность прав собственности (Норт, 1997, с. 64); демократической политической системы, обеспечивающей стабильность и широкий доступ новых экономических элит к политической власти (Норт, 1997, с. 73); мощных финансовых институтов, обеспечивших материальную (инвестиционную) поддержку инновационной деятельности (Норт, 1997, с. 147–149).

Развитие человеческого капитала. В последние десятилетия принято связывать долгосрочное экономическое развитие Северной Европы с высоким уровнем человеческого капитала в этом регионе, чему способствуют распространение пастбищного сельского хозяйства (более капиталоемкого, нежели пахотное) (Broadberry, 2013, р. 11–12), меньшее количество детей (что ведет к большим вложениям усилий в воспитание каждого конкретного ребенка) (Broadberry, 2013, р. 12; см. также: Pleijt, 2020, р. 18), более высокий уровень грамотности по сравнению с иными регионами Европы (Pleijt & Zanden, 2020, р. 17–18). Все это вело к переходу от экстенсивного к интенсивному хозяйствованию с все большим уровнем прибавочного продукта, формированию рыночных отношений (Pleijt & Zanden, 2020, р. 14).

Широко обобщая, можно сказать, что капитализм как фактор, вызвавший процесс интенсификации экономики, — специфическая общественная система, представляющая собой комплекс экономических практик и поддерживающих их институтов, сформировавшаяся в Европе в XVI–XVIII в. и уже к концу XVIII в. приведшая к доминированию западных государств; впоследствии адаптированная неевропейскими странами. При этом существующие объяснения возникновения капитализма вызывают определенные вопросы, связанные как с Малым расхождением, так и с поздним развитием неевропейских стран во второй половине XX в.

3. Противоречия существующих объяснительных моделей

Первым возникает вопрос о причинах закрепления экономического роста именно в странах Северо-Западной Европы. Почему богатейшая Италия, вовлеченная в торговые отношения с множеством стран Азии и Европы, — регион с развитой республиканской традицией и сложными финансовыми институтами — не смог объединиться до XIX в. и был вынужден развиваться догоняющим путем? Возможно, католицизм ограничивал распространение протестантской трудовой этики. Однако среди стран первой волны капитализма, помимо протестантских Англии и Нидерландов, оказалась католическая Франция, но не было ни одного протестантского германского княжества. Протестантская Швеция, влиятельная держава XVII в. со своей парламентской традицией уже в XVIII в. оказалась в положении одной из беднейших стран Европы. Кроме того, современные исследования указывают на то, что до середины XVII в. политические институты Испании

и Португалии незначительно уступали таковым в Англии (Henriques & Palma, 2022). Да и Нидерланды, владевшие в первой половине XVII в. обширной колониальной империей и могущественным флотом, начало XVIII в. встретили в состоянии кризиса (Goldstone, 2021, p. 272). Высокий уровень человеческого капитала? По такому показателю, как количество книг на душу населения Нидерланды смогли лишь сравняться с Италией к началу XVI в. (Pleijt & Zanden, 2020, p. 17), когда в Италии уже наблюдался спад экономики. Кроме того, аналогичный рост данного показателя в период между 1500 и 1800 гг. наблюдался, помимо Нидерландов, также в Англии и Швеции (Pleijt & Zanden, 2020, p. 17); и если в случае Англии за этим последовал рост экономики, заметно обогнавший Нидерланды, то в Швеции его не произошло.

Еще больше вопросов возникает в связи со скачкообразным прогрессом стран Дальнего Востока в последние 50 лет, которые демонстрировали совмещение экономических успехов и авторитарного политического правления (Южная Корея, Китай, Сингапур, Тайвань), что подвергает сомнению тезис о прямой зависимости долгосрочного экономического роста от развитых институтов права и демократической политической системы.

Объяснительные модели Великого расхождения в большинстве своем оказываются не способными дать обоснование Малого расхождения. Даже теория развития человеческого капитала, напрямую рассматривающая различия в экономическом развитии европейских государств, дает объяснение Малому расхождению лишь за счет объединения Англии, Нидерландов и Швеции XVI–XVIII вв. в единый регион Северного моря (Pleijt & Zanden, 2020, p. 10–11), опуская вопрос о значительных различиях в развитии этих стран.

Как можно заметить, предложенные выше объяснительные модели дают обоснование развитию капитализма в Европе, но создают трудности в тех случаях, когда необходимо дать описание различий в формах, принимаемых этим развитием в разных регионах в разные исторические периоды. Подобное положение дел может быть связано с тем, что авторы данных моделей, верно идентифицируя факторы развития капитализма, не учитывают, что к формированию и закреплению капиталистических институтов приводит лишь комплексное совпадение нескольких факторов. Исследование, посвященное выявлению причин Великого и Малого расхождений, таким образом, должно дать описание минимально необходимого набора факторов, ведущих к появлению капитализма.

4. Трехфакторная модель долгосрочного экономического роста

Анализ исторического материала и существующих гипотез возникновения капитализма приводит к мысли о том, что следует выделить три таких фактора. Во всяком обществе, породившем капитализм, мы обнаруживаем личную этическую мотивацию к труду, экономическую мотивацию и наличие институциональной структуры, организующую коллективное действие. Данная объяснительная схема ранее была описана в статье, посвященной развитию капитализма в странах с конфуцианской культурой во 2-й пол. XX в. (Конончук, Смирнов, 2022, с. 82–84). Концепция трехфакторного развития капитализма, как нам видится, так же способна объяснить как причины появления капитализма в Европе (Великое расхождение), так и разную степень распространения капитализма в разных регионах Европы (Малое расхождение).

В целях сохранения ясности изложения сначала приведем теоретическую концептуализацию данной схемы и лишь вслед за этим — исторический материал, на основании которого проводилась ее разработка.

Экономическая мотивация, выражающаяся в наличии стабильной возможности значительно обогатиться в рамках взаимодействия на рынке, важна зачастую не столько как элемент вовлечения в рыночные отношения, сколько как фактор, ведущий к интенсификации экономической деятельности. Показательным примером традиционного восприятия прибыли является средневековая экономика. Ключевым для нее является понятия справедливой цены, сформированное Фомой Аквинским и определяемое как складывающееся с учетом покрытия издержек и минимального вознаграждения за труд, но не направленное на максимизацию прибыли. Справедливая цена связана не с вкладом в производство или необходимостью создавать мотивацию к трудовой деятельности, но с положением в общественной иерархии, и не носит договорной характер в случае, если покупатель готов добровольно переплатить за товар, это все еще будет не справедливой, а его субъективная цена (Муравьева, 2017, с. 97). Формирование интенсивной экономики происходит только в случае появления установки на рациональное обогащение, ведущей к максимизации производства.

Этическая мотивация лучше всего может быть выражена максимой «стремиться к высокоинтенсивному труду — благородно». Положительное отношение к труду характерно для многих культур. Ключевой для капитализма является положительная оценка стремления к максимизации прибыли, которая, как показывают примеры средневекового отношения к экономике, опыт испанской колониальной империи и Франции первой половины XVII в., встречалась далеко не всегда. Наличие этической мотивации является ключевым фактором в объяснительной модели Макса Вебера.

Если наличие экономической и этической мотивации к труду являются факторами, приводящими к интенсификации экономики, то ключевым для закрепления результатов интенсивного роста в долгосрочном периоде становится институциональный фактор. Традиционно влияние институтов на экономику рассматривалось в связи с их способностью формировать личную мотивацию к труду (к примеру, именно так институты рассматриваются в моделях Ф. Броделя, К. Поланьи и Д. Норта). Не преуменьшая важность этого аспекта институционального влияния, заметим все же, что на развитие капитализма намного большее влияние оказал иной аспект — способность институтов обеспечивать коллективное действие. Интенсификация экономики, появление новых форм производства, связанного с развитием технологий, новых финансовых институтов, защита от внешних экономических интервенций требуют совместного действия множества акторов. Ключом к пониманию Великого расхождения и в особенности Малого расхождения является различие стабилизирующего и объединяющего эффектов, оказываемых институциональным фактором.

Италия. Развитие торговли в Италии было связано с высоким уровнем урбанизации (Bosker et al., 2007, p. 100–101) и традицией муниципального самоуправления. *Universitates* (самоуправляющиеся структуры в пределах города, коммун) появляются в связи с развитием торговли. Британский экономист и историк экономики С. Эпштейн связывает появление *universitates* с потребностью в институте, обеспечивающем исполнение торговых обязательств и охрану имущества. Основное отличие *universitates* от купеческих гильдий заключалось в том, что *universitates* за-

щищали не только своих членов, но и купцов из других городов, создавая широкие по своему охвату и сложные по структуре сети торговых отношений (Epstein, 1999, p. 7, 10). *Universitates* обеспечивали сохранение внутренней и внешней стабильности общества, защищая имущественные права купцов, а также организуя коллективную защиту интересов в случае внешней угрозы со стороны феодальных правителей Священной Римской Империи, Франции, Сицилии.

В то же время институты обеспечения стабильности в итальянских городах не стояли на месте. Авнер Грейф, американский экономист, на основе материала Генуи XI–XIV вв. описывает процесс появления и развития «...могущественного, но ограниченного правительства, которое наделено достаточной властью для институционализации поведения и в то же время удерживается от злоупотребления ею» (Грейф, 2018, с. 259).

Первоначально такой структурой выступала городская коммуна с выборным консулом во главе, организованная генуэзцами в 1096 г. (Грейф, 2018, с. 262). Консульская система обеспечивала сдерживание групп интересов внутри Генуи, но при этом, как указывает Грейф, такая система не позволяла мобилизовать ресурсы кланов на благо города: «...при равновесии со взаимным сдерживанием мир достигается в ущерб экономическому процветанию» (Грейф, 2018, с. 266).

Реакцией на несовершенство системы послужила замена консульской системы наместничеством (подестатом) XII–XIV вв. Институт подестата возникает в Италии еще в конце XII в. (Epstein, 1999, p. 17). Подеста выбирался из чужеземцев на ограниченный срок, обладал административной и военной властью, которая была лимитирована, не имел права владеть имуществом в городе, а после завершения срока правления и проведения аудита подеста и его солдаты покидали город без права возвращаться следующие несколько лет. В отличие от старой консульской системы, которая позволяла дворянским родам получать ресурсы путем перераспределения существующих привилегий, подеста, будучи чужаком с ограниченной властью, не позволял кланам перераспределять привилегии, но при этом не был способен захватить власть самостоятельно и не имел мотивации объединиться с одним из кланов против другого (Грейф, 2018, с. 281–283). Это приводило к тому, что подестат обеспечивал не только стабильность системы, но и мобилизовал ресурсы кланов для коллективного действия (завоевания торговых привилегий).

Однако и подестат не был самоподдерживающимся институтом. Классовое расхождение в Италии начала XIII в. привело к появлению нового сословия, *gente nuovo*. Будучи выходцами из народа (пополанами) или дворянами из сельской местности, они имели лишь ограниченное политическое представительство, что снижало их мотивацию к кооперации. Пополаны создавали собственные органы политического представительства, *Popolo* («Народ»). Конфликты *Popolo* с грандами часто выливались в вооруженные столкновения (Скиннер, 2018, с. 53–54).

Конфликты внутри городов-государств уже к концу XIII в. привели к восстановлению власти синьоров во второй половине XIII в. (Скиннер, 2018, с. 56). Наличие в городах северной Италии политических институтов, обеспечивавших стабильность общественной системы и мобилизацию для коллективного действия, привело к формированию протокапитализма в регионе. Однако нестабильность этих институтов привела к восстановлению феодализма, на долгие столетия положившего конец капиталистическому развитию Италии.

Экономическая мотивация к труду в Италии обеспечивала возможность разбогатеть за счет торговли. В отличие от других европейских стран XI–XV вв., в Италии преобладало не натуральное хозяйство, а развитая торговая экономика. Из всех регионов средневековой и раннеренессансной Европы только в Италии класс торговцев не просто стал одним из политических игроков, он занял роль правящего класса. Богатство торговых городов Италии было таковым, что Венеция, Генуя и Пиза в XI–XVI вв. занимали доминирующее положение в Средиземноморской торговле, обладали одним из сильнейших флотов Европы и владели колониями по всему региону (Findlay, 2002, p. 11–15). В Италии со второй половины XII в. начинается активное развитие финансовой системы — государственных займов, облигаций и широкое развитие системы частных банков (Fratianni & Spinelli, 2006, p. 262–265).

Этическую мотивацию к трудовой деятельности обеспечивала концепция человека ренессанса. Если человек у св. Августина в первую очередь порочен, греховен, не может прийти к совершенству кроме как через принятие Бога внутри себя, то гуманистический идеал — *vir virtutis*, «благородный муж», активно стремящийся к достижению всех добродетелей (*virtu*) (Скиннер, 2018, с. 159–162). Богатство считалось источником стремления к славе, давало возможность проявлять добродетель щедрости, способствовало развитию родного города (Kraze, 1996, p. 126).

В случае с развитием капитализма в Италии эпохи Ренессанса в какой-то момент присутствовали все три фактора: наличие институтов, обеспечивавших стабильность общественной системы и мобилизовавших ресурсы для коллективного действия, уникальная система торговых связей и финансовых институтов, обеспечивавшая экономическую мотивацию к труду, и наконец, этическое оформление идеала *vir virtutis*, благородного мужа, стремившегося к славе и не стеснявшегося своего богатства. Однако политические институты итальянских городов-государств оказались слишком нестабильными, они не были самоподдерживающимися, и вследствие этого уже к XV–XVI вв. в Италии произошло разложение протокапиталистической системы.

Испанская колониальная империя. Иную вариацию совмещения факторов развития капитализма предлагает Испанская империя периода XVI–XVII вв. Одна из крупнейших держав Европы, в конце XV — нач. XVI вв. Испания входила в состав Габсбургской империи, а также первой включилась в колониальную борьбу.

Для того чтобы понять особенности формирования испанской колониальной империи, следует обратиться к концепции «композитных государств», введенной Г. Кенигсбергером в 1970-х гг. Композитными государствами Кенигсбергер называл промежуточное состояние между феодальным государством и централизованными национальными государствами. Композитное государство представляет собой несколько территорий, объединенных фигурой монарха, с собственными региональными элитами, правовой системой, парламентом или схожим репрезентативным органом, но без общенационального парламента (Koenigsberger, 1978, p. 202–204). К композитным государствам Кенигсбергер относил большинство европейских стран в период с XVI по конец XVIII вв. Дж. Элиот, британский историк, выделял два основных преимущества такой системы: отсутствие противостояния центральной власти со стороны региональных элит в ходе объединения, а также низкие административные издержки на поддержание системы (Elliott, 1992, p. 53–55).

В процессе освоения территорий Нового Света испанские власти воспроизводили институты композитного государства. Вплоть до конца XVIII в. в Испанской

Америке не было единой системы сбора налогов. Номинально административные органы (*caja*) разных уровней были подотчетны Совету по делам Индий, но на практике *caja* автономно руководили вверенными им регионами (Grafe & Irigoien, 2006, p. 8–11). Показательный пример демонстрирует экспорт серебра: несмотря на его значительный масштаб, большая часть экспорта шла не в метрополию, а в сами колонии, что достигалось за счет значительной автономии колониальных элит (Grafe & Irigoien, 2006, p. 19–21). Слабость административной системы привела к тому, что Испания оказалась не в состоянии эксплуатировать свои колонии.

Проблемой испанской колониальной империи было то, что в отличие от Франции и Англии, также начинавших как композитные государства, Испания не прошла через этап централизации и превращения местных элит в общеиспанскую в XVII–XVIII вв. Ричард Лахман, социолог, исследовавший европейские государства Нового времени, анализируя различия между испанской, французской и британской колониальными империями, приходит к таким выводам: «Стабильность и автономия элит в испанских и французских колониях, будучи изначально обеспечена нестабильностью элит в метрополии, впоследствии способствовала поддержанию и углублению конфликта элит в этих странах» (Lachman, 2014, p. 30). Понижение административных издержек с лихвой перекрывалось неспособностью политического центра мобилизовать ресурсы для коллективного действия, что приводило к неспособности оказать сопротивление английским и голландским колонистам, а также — косвенно — к военным поражениям Испании на европейском континенте. Все это приводило к внутренней и внешней нестабильности системы.

Отсутствие тенденций к централизации в испанской империи способствовало отсутствию общенациональной буржуазии — класса, воспринимающего себя не как часть региональной элиты, а как испанскую буржуазию. Помимо институтов композитного государства, на это влияло отсутствие экономической мотивации к трудовой деятельности.

Открытие залежей серебра в Южной Америке привело к массовой колонизации. Рост числа частных хозяйств, растущая потребность в продуктах питания и низкая эффективность системы принуждения индейцев к труду некоторое время позволяли малым землевладельцам конкурировать с крупными плантациями (*haciendas* или *estancias*). Однако уже к середине XVI в. большинство земельных владений представляли собой крупные *haciendas*, вытеснившие малые землевладения (Hurley, 2011, p. 10–11).

В начале XVI в. монопольные права на торговлю с Америкой получает купеческая гильдия — *consulado*. Введенный в 1526 г. запрет на путешествия в колонии вне состава конвоев привел к увеличению расходов на организацию торговли, которые купцы-монополисты из *consulado* компенсировали, повышая цены (Hurley, 2011, p. 11–13). Меркантилистская политика испанской короны, ограничивавшей торговлю колоний с иностранными государствами, а также устанавливавшей высокие экспортные тарифы (Smith, 1971, p. 3), не позволяла появиться общеиспанскому рынку. Характерное для испанских колоний крайнее неравенство в распределении ресурсов, с одной стороны, снижало экономическую мотивацию к труду для бедных слоев населения (из-за убежденности в том, что разбогатеть все равно не получится), с другой — ориентировало состоятельных купцов и землевладельцев не на инновационное развитие, а на извлечение ренты (из крупных землевладений — *haciendas* или монопольного положения в торговле).

Нидерланды. Развитие институтов, являющихся основанием капиталистического развития Нидерландов в XVI–XVII вв., начинается еще в позднем Средневековье. Колонизацию Голландии осуществляли лично свободные крестьяне, в регионе слабо воспроизводились феодальные институты. Местные добровольные коллективные объединения — деревенские и городские собрания, гильдии, религиозные и иные группы — мобилизовали ресурсы участников для коллективной защиты интересов, что позволяло противостоять феодалам (Van Bavel, 2010, p. 65). Слабость феодальных структур в Голландии приводила к формированию институтов, защищавших права собственности и личные свободы, обеспечивавших внутреннюю стабильность (Van Bavel, 2010, p. 61–62).

В Голландии рано развиваются две сферы экономики, позволяющие крупно разбогатеть: ремесленное производство и торговля. К 1500 г. в сельской местности только около 40–45 % населения было занято сельским хозяйством. В Голландии в целом этот показатель был еще ниже — 25 % (около 20 % ВВП). Сфера производства давала 39 % ВВП, сфера услуг — 30 %. В большинстве европейских стран такие показатели будут достигнуты только в XIX в. (Van Bavel, 2010, p. 47). Доля населения, занятого в ориентированном на рынок производстве в этот период, — около 87–94 %. Для сравнения: в Англии этого же периода всего лишь 51–71 % (Розинская, 2015, с. 54). К середине XVII в. Голландия владела крупнейшим в Европе флотом из 15 тыс. торговых (около 60 % всего мирового торгового флота) и 2 тыс. военных кораблей, занимала доминирующее положение в торговле на Балтике (Муравьева, 2015, с. 60–61).

Экономическую мотивацию к труду в Нидерландах подкрепляла и этическая мотивация. Неслучайно то, что наиболее известный труд, посвященный анализу влияния трудовой этики на формирование капитализма, «Протестантская этика и дух капитализма» Макса Вебера был написан на основе событий в Англии и Голландии. Протестантская этика требовала аскетического накопления не ради потребления, а потому что «...человек, лишь управляющий благами... если он истратит что-либо не во славу Божью, а для собственного удовольствия, то это...вызывает сомнение в богоугодности его поступка» (Вебер, 2020, с. 193). Протестантизм накладывает на человека обязательства рационально использовать свое имущество, при этом освобождая от характерного для традиционной этики негативного восприятия богатства. Отныне осуждается не само богатство, лишь показная роскошь (Вебер, 2020, с. 193–195).

Однако при наличии внутренней стабильности системы, экономической и этической мотивации к труду, Нидерланды в то же время не обладали институтами, обеспечивающими мобилизацию для коллективного действия. Нидерланды в XVI–XVIII вв. представляли собой конфедерацию автономных провинций с разными интересами, объединенных общим врагом — Испанской империей. Наиболее богатая провинция Голландия некоторое время держала неформальное лидерство, однако доминирование Голландии никогда не было абсолютным (Croxton, 2013, p. 115–116).

Ко второй половине XVII в. недостаточное развитие промышленного производства и поражение в торговых войнах с Англией и Францией привело к значительному ослаблению Нидерландов (Муравьева, 2015, с. 65). Если бы в Нидерландах существовали институты, способные мобилизовать обширные ресурсы провинций для развития новых видов производства и борьбы с внешним противником, воз-

можно, заката Соединенных провинций бы не произошло. Однако таких институтов не было. Генеральные штаты имели право собирать налог лишь на непосредственно подконтрольных им землях (не более 20 % национального бюджета), финансирование армии и флота осуществлялось на уровне отдельных провинций. В случае несогласия со стратегией наместника-статхаудера регенты провинций могли заблокировать его приказы войскам. Военный флот де-факто был разделен между пятью провинциальными адмиралтействами. Провинция Голландия давала около 60 % всего дохода страны, что позволяло амстердамским элитам проводить независимую внешнюю политику, зачастую идущую вразрез с интересами остальных провинций. Столкновения между регентами провинций, статхаудерами и амстердамским истеблишментом вкуче с отсутствием институтов, способных урегулировать эти конфликты, приводили к слабости государства. В ходе четвертой англо-голландской войны (1780–1784) торговые компании были брошены на произвол англичан Генеральными штатами, что привело к банкротству Голландской Ост-Индской торговой компании (Минашин, 2007, с. 7).

Примеры Италии и Нидерландов доказывают, что наличия неполного набора факторов достаточно для значительного роста экономики, однако для его закрепления необходим именно полный их набор.

Англия. В Англии достаточно рано формируется институт частной собственности, защищенной от вмешательства короны. Профессор экономики Луис Анжелес указывает на то, что уже к XVI в. совместное влияние неформальных правил — Великой хартии вольностей и относительной силы дворянства — приводило к тому, что даже наиболее могущественные английские правители, Елизавета I и Яков I не могли произвольно повышать налоги или конфисковывать имущество подданных, а для финансирования своих военных экспедиций вынуждены были прибегнуть к продаже королевских владений (Angeles, 2011, p. 165). Значительный уровень защищенности прав собственности, обеспечивая внутреннюю стабильность системы, также выступал в качестве основы для инвестиций в производство. Во второй половине XV–XVI вв. две технологически сложные (по меркам периода), капиталоемкие и обеспечивавшие высокий возврат вложений сферы производства — печатное дело и мукомольная промышленность — в Англии находились на крайне высоком уровне развития (Angeles, 2011, p. 167).

Экономическую мотивацию в Англии обеспечивало развитие трансатлантической торговли. В период с 1640-х по 1700-е гг. английский экспорт увеличивается вдвое. К 1688 г. Англия владела крупнейшим в Европе торговым флотом, обойдя предыдущего лидера — Нидерланды. К середине XVIII в. серия законодательных актов Парламента изменила статус множества земельных участков, ранее бывших собственностью крестьянской общины или феодальной собственностью аристократа с ограниченным правом продажи или раздела участка (Hudson, 2017, p. 87–88). Трансформация земельных наделов в личную собственность позволила использовать их в качестве залога при получении кредита. Внезапно получившие небывалую ликвидность земельные капиталы аристократии были направлены в новые сферы производства, что вызвало начало промышленной революции. Рост ВВП на душу населения в стране увеличивается от 0,67 % в период 1700–1760 гг. до 0,85 % в 1760–1780 гг., и 1,46 % в 1780–1801 гг. (Hudson, 2017, p. 90).

Причиной того, почему английский истеблишмент смог реализовать заработанные на торговле капиталы для развития промышленности, а нидерландский,

несмотря на наличие развитых финансовых инструментов, не смог, кроется в различных политических институтах в двух странах. В начале 2000-х гг. Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон предложили институциональное объяснение того, почему в некоторых странах Европы в XVIII–XIX вв. элиты препятствовали индустриализации экономики, а в других — нет. В случае изменения структуры экономики противодействие инновациям происходит не в том случае, когда трансформация угрожает экономической базе старых элит, а тогда, когда под угрозу встает политическая власть старого истеблишмента (Acemoglu, 2000, p. 126–127). В Италии XII–XIV вв. столкновения между грандами и *nuovo gente* были связаны как раз с требованием репрезентации со стороны новых элит. В Нидерландах торговые элиты не были готовы инвестировать в новые сферы производства. В Англии уже к XVIII в. сложилась монополия на власть со стороны аристократической элиты, землевладельцев, и такое положение сохранялось вплоть до начала XX в. (Acemoglu, 2000, p. 129). Будучи уверенными в сохранении политического статус-кво, британские элиты не опасались потери доминирующего положения и не препятствовали наступлению промышленной революции.

Уверенности элит в способности извлечь политическую ренту способствовала начавшаяся в конце XVII–XVIII вв. трансформация институтов композитного государства в современное бюрократическое государство. В период с 1690 по 1720 гг. количество чиновников в сфере налогообложения в Британии увеличилось более чем в два раза. Значительно выросла и налоговая база — также более чем вдвое (Hudson, 2017, p. 96–97). Бюрократические институты обеспечивали небывалый по меркам того периода уровень мобилизации ресурсов, в первую очередь — для ведения войн за торговые привилегии. За прошедшие с 1688 по 1763 гг. 76 лет Британия 45 лет находилась в состоянии войны как минимум с одной крупной европейской державой (Hudson, 2017, p. 94–95).

Совокупный эффект стабильной политической системы, экономической и этической мотивации к труду (трудовая этика в Англии в целом была схожа с тем, что мы имели возможность видеть в Голландии), а также мощных политических институтов, обеспечивавших мобилизацию ресурсов, привела к тому, что уже в XVIII в. Британия становится родиной промышленной революции, и в течение всего XIX в. сохраняет доминирующее положение в мировой торговле и производстве, являясь «мастерской мира».

Франция. Во Франции долго сохраняется децентрализованная система государственных финансов. Сбор большинства налогов вплоть до XVIII в. находился в руках откупщиков (частных сборщиков). Многие группы населения (дворяне, купеческие гильдии, сами откупщики) обладали частичным освобождением от налогов. Номинально право сбора налогов находилось полностью во ведении короля, контролировавшего фискальную систему посредством интендантов — чиновников, назначаемых короной в определенный регион. На практике децентрализация и низкий уровень административных техник приводили к тому, что учетом налогов занимались местные органы власти (Hoffman, 1994, p. 229–231). Внутригосударственные таможенные тарифы, частое изменение фискальной политики, практически полное отсутствие колоний до начала XVII в. привели к тому, что экономика Франции первой трети XVII в., несмотря на значительный размер территории и населения, уступала в своем развитии голландской и английской. Неспособность обеспечить стабильность административной системы пода-

вляла экономическую мотивацию к труду — в силу неуверенности торгового класса в способности сохранить вырученные прибыли.

Ситуация резко меняется в 1620–30-е гг. Французская корона ужесточает систему сбора налогов, одновременно формализуя интендантскую службу. Это приводит к удвоению налоговых сборов. Следующее удвоение происходит к 1720-м гг. и еще раз — к 1780-м гг. Всего за 150 лет — 1620–1780-е гг. — налоговые поступления увеличились в 10 раз (Hoffman, 1994, p. 237–238). При этом важным было не столько само увеличение поступлений в казну, сколько постепенная стабилизация фискальной системы, стабильность имущественных прав. Во второй половине XVII в. формируется теоретическое обоснование ограничения вмешательства в экономику со стороны власти. П.Л. Буагильбер и С.П. Вобан выступают против меркантилистской политики и протекционизма в торговле. П.Л. Буагильбер при этом обосновывает свою позицию не только прагматически, но и этически — невмешательство позволит экономике развиваться естественным образом, в соответствии с природным законом: «...[природа] стремится к свободе... Природа дышит только свободой» (Dobuzinskis, 2014, p. 58).

Стабилизация финансовой системы, торговых практик, реформы второй половины XVII в. приносили обильные плоды. Развиваются торговые отношения, французский импорт в период с 1716 по 1787 гг. увеличивается с 38,5 млн ливров до 606,5 млн ливров (более чем в 15 раз), экспорт — с 49,1 млн ливров до 544,2 млн ливров (в 11 раз) (Butel & Crouzet, 1998, p. 181). Рост торговли происходил параллельно росту мануфактурного производства и усложнению его структуры. Если в 1700-х гг. на импорт во Францию сырья для последующей переработки приходилось 58 % всего импорта из Леванта, то уже к 1750-м гг. на него приходилось уже 72 %, причем если в начале века в основном импортировали готовые ткани, то уже к середине преобладал импорт нитей и шерсти — продукта более низкого передела (Celetti, 2020, p. 393).

Параллельно проходило развитие экономической мысли. В XVIII в. Франция стала родиной первой современной экономической школы — школы физиократов. К середине века во французском публичном дискурсе вовсю обсуждается необходимость преодолеть неприязнь к торговле со стороны старых аристократических элит. Проводятся прямые параллели с Англией, богатство которой объясняют тем, что английская аристократия гордится участием в торговых предприятиях (Shovlin, 2003, p. 226). Во Франции XVIII — начала XIX вв. творит целая плеяда экономистов, высказывавшихся в пользу политики невмешательства — Р. Кантильон, А. Р. Трюго, Ж.-Б. Сэй, А. Дестют де Траси. Вопросы торговли и производства становятся делом государственной важности, класс торговцев и владельцев мануфактур — уважаемой частью общества, опорой Франции.

Франция, вступившая в XVII в. на путь догоняющего развития, внедряла институты, обеспечивающие стабильное развитие экономики «сверху», путем государственных реформ, чем разительно отличалась от Англии и Голландии, где они возникали стихийно в XV–XVII вв. Изменение структуры экономики и появление экономической мотивации повлекло за собой изменение отношения к торговле, возникновение этической мотивации к труду. В результате уже во второй половине XVIII в. Франция по своему развитию обгоняет Голландию и, несмотря на потрясения революции и два десятилетия наполеоновских войн, в течение всего XIX в. за-

нимает положение одной из ведущих держав мира, уступая только Соединенному Королевству Великобритании.

5. Заключение

Объяснение комплексных феноменов, объединяющих экономической, социокультурный и исторический аспекты, таких как Великое расхождение и Малое расхождение, требует комплексного подхода. Многие объяснительные модели давали верное, но неполное описание данных явлений. Трехфакторная модель экономического роста, не столько отрицая, сколько опираясь на иные объяснительные модели, предлагает непротиворечивое осмысление перехода экономического центра из региона юга Европы на север и более локально — из Нидерландов в Англию и Францию. Этот переход был связан с неустойчивостью институтов коллективного действия, обеспечивавших закрепление экономического роста, вызванного наличием двух типов мотивации к высокоинтенсивной экономической деятельности. Данная теоретическая схема может выступить основой для исследований совокупного влияния общественных институтов и двух типов личной мотивации экономического субъекта на современную экономику. Данная модель представляется особенно перспективной в связи с ее способностью дополнить классический институционализм. Если последний основным фактором развития считал способность институтов создавать мотивацию к экономической деятельности, то в трехфакторной модели роста институциональный вклад отделен от мотивационных факторов и рассматривается в основном с точки зрения способности закрепления экономического роста в долгосрочном периоде. Развитие подобного подхода к оценке влияния институтов на экономику может послужить основой для создания системы прогнозирования долгосрочного роста современных экономик.

Список источников

- Бродель, Ф. (1986). *Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Том 1*. Москва: Прогресс, 624.
- Бродель, Ф. (1988). *Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Том 2*. Москва: Прогресс, 632.
- Вебер, М. (2020). *Протестантская этика и дух капитализма*. Москва: Издательство АСТ, 320.
- Грейф, А. (2018). *Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли, 2-е изд.* Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 536. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1732-1>
- Дмитриева, М. И. (2017). Народные правительства и «партии»: образы власти в Сиене XIV в. *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени*, 3(1), 7–26. <https://doi.org/10.24411/2500-0926-2017-00001>
- Забаев, И. В., Кострова, Е. А. (2020). Этнос vs габитус: этический компонент в «Протестантской этике» М. Вебера. *Социология власти*, 32(4), 45–67. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-4-45-67>
- Зомбарт, В. (1903). *Современный капитализм. Том первый*. Москва: Издание С. Скимунта, 584.
- Конончук, Д. В., Смирнов, И. О. (2022). Еще раз о конфуцианском факторе в генезисе капитализма в Китае. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, 2(60), 78–85. <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2022-2/78-85>
- Минашин, Н. И. (2007). Сети доверия и формирование государства. Опыт Нидерландов. *Полития*, 3(46), 61–74. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2007-46-3-61-74>
- Мошенский, С. З. (2016). *Зарождение финансового капитализма: рынок ценных бумаг доиндустриальной эпохи*. Киев: Планета, 278.

Муравьева, Л. А. (2015). Экономика Голландии золотого века (XVI–XVII вв.). *Международный бухгалтерский учет*, 8(350), 58–70.

Муравьева, Л. А. (2017). Экономика западноевропейского Средневековья (V–XV вв.). *Учет. Анализ. Аудит*, 6, 92–101.

Наумова, Е. И. (2015). История понятия «Капитализм»: от политического лозунга к научному термину. *Международный журнал исследований культуры*, 1(18), 108–115.

Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Москва: Фонд экономической книги «Начала», 180.

Нуреев, Р. М. (2007). «Великая трансформация» Карла Полаanyi: прошлое, настоящее, будущее. Москва: ГУ-ВШЭ, 321.

Розинская, Н. А. (2015). Истоки современной экономической системы: Англия или Голландия. *Журнал институциональных исследований*, 7(3), 50–63. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.3.050-063>

Скиннер, К. (2018). *Истоки современной политической мысли. Том 1. Эпоха Ренессанса*. Москва: ДЕЛО, 464.

Acemoglu, D. (2000). Political Losers as a Barrier to Economic Development. *The American Economic Review*, 90(2), 126–130. <https://doi.org/10.1257/aer.90.2.126>

Angeles, L. (2011). Institutions, Property Rights, and Economic Development in Historical Perspective. *Kyklos*, 64(2), 157–177.

Bosker, M., Brakman, S., Garretsen, H., de Jong, H., Schramm, M. (2007). Ports, plagues and politics: explaining Italian city growth 1300–1861. *European Review of Economic History*, 12(1), 97–131. <https://doi.org/10.1017/S1361491608002128>

Broadberry, S. (2013). Accounting for Great Divergence. *Economic History Working Paper*, 184/13. London, UK: London School of Economics and Political Science. <http://eprints.lse.ac.uk/54573> (дата обращения: 20.01.2023).

Butel, P., Crouzet, F. (1998). Empire and Economic Growth: The Case of 18th Century France. *Journal of Iberian and Latin American Economic History*, 16(1), 177–193. <https://doi.org/10.1017/S0212610900007096>

Celetti, D. (2020). France in Levant: Trade and Immaterial Circulations in the “Long Eighteenth Century”. *Journal of Early Modern History*, 24(4–5), 383–406. <https://doi.org/10.1163/15700658-12342662>

Court, V. (2020). A Reassessment of the Great Divergence Debate: Towards a Reconciliation of Apparently Distinct Determinants. *European Review of Economic History*, 24(4), 633–674. <https://doi.org/10.1093/ereh/hez015>

Croxtan, D. (2013). *Westphalia, the Last Cristian peace*. New York: Palgrave Macmillan, 452.

Dobuzinskis, L. (2014). Adam Smith and French Political Economy: Parallels and Differences. In David F. Hardwick (Ed.). *Propriety and Prosperity* (pp. 54–74). London, UK: Palgrave MacMillan. https://doi.org/10.1057/9781137321053_4

Elliott, J. (1992). A Europe of Composite Monarchies. *Past and Present*, 137, 48–71.

Epstein, S. R. (1999). The rise and decline of Italian city states. *Economic History Working Papers*, 51/99. Department of Economic History. London, UK: London School of Economics and Political Sciences. <http://eprints.lse.ac.uk/22389> (дата обращения: 20.01.2023).

Findlay, R. (2002). *Globalization and European Economy: Medieval Origins to the Industrial Revolution*. New York: Columbia University Department of Economics Discussion Paper Series, 46.

Fouquet, R., Broadberry, S. N. (2015). Seven Centuries of European Economic Growth and Decline. *Journal of Economic Perspectives*, 29(4), 227–244. <http://dx.doi.org/10.1257/jep.29.4.227>

Fратиани, М., Spinelli, F. (2006). Italian City-States and Financial Evolution. *European Review of Economic History*, 10(3), 257–278. <https://doi.org/10.1017/S1361491606001754>

Goldstone, J. (2021). Dating the Great Divergence. *Journal of Global History*, 16(2), 266–285. <https://doi.org/10.1017/S1740022820000406>

- Grafe, R., Irigoien, M. A. (2006). The Spanish Empire and Its Legacy: Fiscal Redistribution and Political Conflict in Colonial and Post-Colonial Spanish America. *Journal of Global History*, 1 (2), 241–267.
- Henriques, A., Palma, N. (2022). Comparative European Institutions and the Little Divergence, 1385–1800. *Journal of Economic Growth*. <https://doi.org/10.1007/s10887-022-09213-5>
- Hoffman, P. (1994). Early Modern France: 1450–1700. *Fiscal Crises, Liberty, and Representative Government 1450–1789* (pp. 226–252). Stanford: Stanford University Press.
- Hodgson, G. (2017). 1688 and All That: Property Rights, the Glorious Revolution and the Rise of British Capitalism. *Journal of Institutional Economics*, 13 (1), 79–107.
- Hurley, D. (2011). Spanish Colonial Economies: An Overview of the Economy of the Viceroyalty of Peru, 1542–1600. *Ezra's Archives*, 1 (1), 1–20.
- Koenigsberger, H. (1978). Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe. *Theory and Society*, 5 (2), 191–217.
- Kraye, Jill. (1996). *The Cambridge companion to Renaissance humanism*. New York: Cambridge University Press, 320.
- Lachman, R. (2014). Hegemons, Empires, and Their Elites. *Sociologia, Problemas e Practicas*, 75, 9–38.
- Pleijt, A., Zanden, J. L. (2020). A Tale of Two Transitions: The European Growth Experience, 1270–900. *Maddison-Project Working Paper WP-14*. <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/publications/wp14.pdf> (дата обращения: 20.01.2023).
- Shovlin, J. (2003). Emulation in Eighteenth-Century French Economic Thought. *Eighteenth-Century Studies*, 36 (2), 224–230. <https://doi.org/10.1353/ecs.2003.0021>
- Smith, R. (1971). Spanish Mercantilism: A Hardy Perennial. *Southern Economic Journal*, 38 (1), 1–11.
- Van Bavel, Bas. (2010). The Medieval Origins of Capitalism in the Netherlands. *Bijdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden*, 125, 45–79.

References

- Acemoglu, D. (2000). Political Losers as a Barrier to Economic Development. *The American Economic Review*, 90 (2), 126–130. <https://doi.org/10.1257/aer.90.2.126>
- Angeles, L. (2011). Institutions, Property Rights, and Economic Development in Historical Perspective. *Kyklos*, 64 (2), 157–177.
- Bosker, M., Brakman, S., Garretsen, H., de Jong, H., Schramm, M. (2007). Ports, plagues and politics: explaining Italian city growth 1300–1861. *European Review of Economic History*, 12 (1), 97–131. <https://doi.org/10.1017/S1361491608002128>
- Braudel, F. (1986). *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm [Civilization and Capitalism]*. Vol. 1. Moscow, the USSR: Progress, 624. (In Russ.)
- Braudel, F. (1988). *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm [Material Civilization, Economy and Capitalism]*. Vol. 2. Moscow, the USSR: Progress, 632. (In Russ.)
- Broadberry, S. (2013). Accounting for Great Divergence. *Economic History Working Paper, 184/13*. London, UK: London School of Economics and Political Science. <http://eprints.lse.ac.uk/54573> (Date of access: 20.01.2023).
- Butel, P., & Crouzet, F. (1998). Empire and Economic Growth: The Case of 18th Century France. *Journal of Iberian and Latin American Economic History*, 16 (1), 177–193. <https://doi.org/10.1017/S0212610900007096>
- Celetti, D. (2020). France in Levant: Trade and Immaterial Circulations in the “Long Eighteenth Century”. *Journal of Early Modern History*, 24 (4–5), 383–406. <https://doi.org/10.1163/15700658-12342662>
- Court, V. (2020). A Reassessment of the Great Divergence Debate: Towards a Reconciliation of Apparently Distinct Determinants. *European Review of Economic History*, 24 (4), 633–674. <https://doi.org/10.1093/ereh/hez015>
- Croxtan, D. (2013). *Westphalia, the Last Cristian peace*. New York: Palgrave Macmillan, 452.

- Dmitrieva, M. I. (2017). Narodnye pravitel'stva i "partii": obrazy vlasti v Siene XIV v. [People's Governments and "Parties": Images of Power in Siena of the 14th Century]. *Proslogion: Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury srednikh vekov i rannego Novogo vremeni [Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture]*, 3(1), 7–26. <https://doi.org/10.24411/2500-0926-2017-00001> (In Russ.)
- Dobuzinskii, L. (2014). Adam Smith and French Political Economy: Parallels and Differences. In David F. Hardwick (Ed.). *Propriety and Prosperity* (pp. 54–74). London, UK: Palgrave MacMillan. https://doi.org/10.1057/9781137321053_4
- Elliott, J. (1992). A Europe of Composite Monarchies. *Past and Present*, 137, 48–71.
- Epstein, S. R. (1999). The rise and decline of Italian city states. *Economic History Working Papers*, 51/99. Department of Economic History. London, UK: London School of Economics and Political Sciences. <http://eprints.lse.ac.uk/22389> (Date of access: 20.01.2023).
- Findlay, R. (2002). *Globalization and European Economy: Medieval Origins to the Industrial Revolution*. New York: Columbia University Department of Economics Discussion Paper Series, 46.
- Fouquet, R., & Broadberry, S. N. (2015). Seven Centuries of European Economic Growth and Decline. *Journal of Economic Perspectives*, 29(4), 227–244. <http://dx.doi.org/10.1257/jep.29.4.227>
- Fratianni, M., & Spinelli, F. (2006). Italian City-States and Financial Evolution. *European Review of Economic History*, 10(3), 257–278. <https://doi.org/10.1017/S1361491606001754>
- Goldstone, J. (2021). Dating the Great Divergence. *Journal of Global History*, 16(2), 266–285. <https://doi.org/10.1017/S1740022820000406>
- Grafe, R., & Irigoien, M. A. (2006). The Spanish Empire and Its Legacy: Fiscal Redistribution and Political Conflict in Colonial and Post-Colonial Spanish America. *Journal of Global History*, 1(2), 241–267.
- Greif, A. (2018). *Instituty i put'k sovremennoy ekonomike. Uroki srednevekovoy torgovli [Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade]*. 2nd Edition. Moscow, Russia: HSE Publishing House, 536. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1732-1> (In Russ.)
- Henriques, A., & Palma, N. (2022). Comparative European Institutions and the Little Divergence, 1385–1800. *Journal of Economic Growth*. <https://doi.org/10.1007/s10887-022-09213-5>
- Hodgson, G. (2017). 1688 and All That: Property Rights, the Glorious Revolution and the Rise of British Capitalism. *Journal of Institutional Economics*, 13(1), 79–107.
- Hoffman, P. (1994). Early Modern France: 1450–1700. *Fiscal Crises, Liberty, and Representative Government 1450–1789* (pp. 226–252). Stanford: Stanford University Press.
- Hurley, D. (2011). Spanish Colonial Economies: An Overview of the Economy of the Viceroyalty of Peru, 1542–1600. *Ezra's Archives*, 1(1), 1–20.
- Koenigsberger, H. (1978). Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe. *Theory and Society*, 5(2), 191–217.
- Kononchuk, D. V., & Smirnov, I. O. (2022). Eshche raz o konfutsianskom faktore v genezise kapitalizma v Kitae [To the Issue of the Confucian Factor in the Genesis of Capitalism in China]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanitarian research in the Eastern Siberia and the Far East]*, 2(60), 78–85. <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2022-2/78-85> (In Russ.)
- Kraye, Jill. (1996). *The Cambridge companion to Renaissance humanism*. New York: Cambridge University Press, 320.
- Lachman, R. (2014). Hegemons, Empires, and Their Elites. *Sociologia, Problemas e Practicas*, 75, 9–38.
- Minashin, N. I. (2007). Seti doveriya i formirovanie gosudarstva. Opyt Niderlandov [Trust networks and the Formation of the State. Dutch Experience]. *Politiya [Politeia]*, 3(46), 61–74. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2007-46-3-61-74> (In Russ.)
- Moshensky, S. Z. (2016). *Zarozhdenie finansovogo kapitalizma [The Origin of the Financial Capitalism]*. Kiev, Ukraine: Planet, 278. (In Russ.)
- Murav'eva, L. A. (2015). Ekonomika Gollandii zolotogo veka (XVI-XVII vv.) [The economy of the Netherlands in the Golden Age (16th - 17th centuries)]. *Mezhdunarodnyy bukhgalterskiy uchet [International accounting]*, 8(350), 58–70. (In Russ.)

Muravyeva, L. A. (2017). *Ekonomika zapadnoevropeyskogo Srednevekov'ya (V-XV vv.)* [The Economy of West-European Middle Ages (V-XV centuries)]. *Uchet. Analiz. Audit* [Accounting. Analysis. Auditing], 6, 92–101. (In Russ.)

Naumova, E. I. (2015). Istoriya ponyatiya “Kapitalizm”: ot politicheskogo lozunga k nauchnomu terminu [The History of Capitalism as an Idea and a Term]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* [International journal of cultural research], 1(18), 108–115. (In Russ.)

North, D. (1997). *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and economic performance]. Moscow, Russia: Economic Book Foundation: «Nachala», 180. (In Russ.)

Nureev, R. M. (2007). “Velikaya transformatsiya” Karla Polan'i: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Karl Polanyi's “The Great Transformation”: Past, Present, Future]. Moscow, Russia: HSE, 321. (In Russ.)

Pleijt, A., & Zanden, J. L. (2020). A Tale of Two Transitions: The European Growth Experience, 1270–1900. *Maddison-Project Working Paper WP-14*. <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/publications/wp14.pdf> (Date of access: 20.01.2023).

Rozinskaya, N. A. (2015). Istoki sovremennoy ekonomicheskoy sistemy: Angliya ili Gollandiya [Origins of a Modern Economic System: England or Holland]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of Institutional Studies], 7(3), 50–63. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.3.050-063> (In Russ.)

Shovlin, J. (2003). Emulation in Eighteenth-Century French Economic Thought. *Eighteenth-Century Studies*, 36(2), 224–230. <https://doi.org/10.1353/ecs.2003.0021>

Skinner, Q. (2018). *Istoki sovremennoy politicheskoy mysli* [The foundations of modern political thought. Vol. 1. The Renaissance]. Moscow, Russia: Delo Publ., 464. (In Russ.)

Smith, R. (1971). Spanish Mercantilism: A Hardy Perennial. *Southern Economic Journal*, 38(1), 1–11.

Sombart, W. (1903). *Sovremennyy kapitalizm* [Modern Capitalism]. Vol. 1. Moscow, Russian Empire: Izdanie S. Skymunt, 584. (In Russ.)

Van Bavel, Bas. (2010). The Medieval Origins of Capitalism in the Netherlands. *Bijdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden*, 125, 45–79.

Weber, M. (2020). *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow, Russia: AST Publishers, 320. (In Russ.)

Zabaev, I. V., & Kostrova, E. A. (2020). Etos vs gabitus: eticheskii komponent v “Protestantskoy etike” M. Vebera [Ethos versus Habitus: The Ethical Component in Max Weber's “The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism”]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 4, 45–67. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-4-45-67> (In Russ.)

Информация об авторе

Смирнов Илья Олегович — аспирант кафедры философии, Дальневосточный федеральный университет; <https://orcid.org/0000-0002-9624-8419> (Российская Федерация, 690920, г. Владивосток, о. Русский, к. 10, п. А; e-mail: smirnovIlya1998@gmail.com).

About the author

Ilya O. Smirnov — Post-Graduate Student, Far Eastern Federal University; <https://orcid.org/0000-0002-9624-8419> (10, Russkiy island, Vladivostok, 690920, Russian Federation; e-mail: smirnovIlya1998@gmail.com).

Дата поступления рукописи: 01.02.2023.

Прошла рецензирование: 22.02.2023.

Принято решение о публикации: 18.05.2023.

Received: 01 Feb 2023.

Reviewed: 22 Feb 2023.

Accepted: 18 May 2023.